

Анна Поршнева

Заведение матушки Ним

истории из жизни гулящей девки

16+

Анна Поршнева
Заведение матушки Ним

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63335321

SelfPub; 2020

Аннотация

Маленькая повесть о жизни совсем несказочного заведения в почти сказочной стране Офир.

Анна Поршнева

Заведение матушки Ним

Дай им цену, за которую любили,
Чтоб за ту же и оплакивали цену.
(И. Бродский)

Кошки страны Офир

Наш город находится на самом краю могущественной и богатой страны Офир, на берегу Красного моря. Отсюда отплывают во все концы мира суда, груженные сандаловым деревом, золотом и драгоценными камнями. Сюда приплывают со всех концов мира суда, полные пряностей, пшеницы, тонкого виссона и бесценного пурпура. Город наш так велик и так известен в стране Офир, что, хотя он и имеет собственное гордое название, все уже давно зовут его просто Город.

Он вечно полон богатых купцов, подгулявших матросов, удачливых ремесленников и праздношатающихся гуляк. Это город мужчин, которым деньги жгут руки. Здесь раздолье таким, как я. А кто я такая? Я – шлюха из квартала Цветов, проживающая в одном из самых модных и роскошных домов – в заведении матушки Ним. Здесь – не сочтите это за рекламу – исполнят любой ваш каприз, самый изощренный, и от нас уходят довольными даже взыскательные ассирийцы. Не

верите? У меня в запасе есть немало историй, чтобы убедить вас в моей правоте.

Да вот возьмем хоть недавний случай с гиперборейцами. Собственно, они не были жителями этой далекой ужасающей страны, они просто были купцами, одними из немногих, побывавших в легендарной Гиперборее, стране, которая так холодна, что каждый год покрывается льдом на расстояние, равное однодневному переходу сильного мужчины, и так велика, что до сих пор еще не заледенела полностью. Купцы пробыли там достаточно, чтобы закупить полные трюмы драгоценных мехов – песца, соболя и куницы, достаточно, чтобы заледенели их руки и ноги, их тела и сердца. Только разумом еще помнили они, что когда-то были теплыми. Они достигли берегов стран Офир, высадились в Городе и пошли по его улицам, распространяя волны ужаса и холода. Они пришли в квартал Цветов, заходили в разные дома, богатые и бедные, роскошные и жалкие, и требовали себе девок. Они не развлекались с ними, а просто ложились, стараясь вновь обрести тепло от женских горячих тел. Но все было напрасно. Поутру купцы уходили, а выбранные ими девки оставались лежать в своих постелях недвижимо, и иней сверкал на их черных ресницах.

Матушка Ним очень забеспокоилась. Если гиперборейские купцы заявятся в наше заведение, как она сможет им отказать? У них большие кошельки, тяжелые кулаки и гневливые характеры.

– Они разорят меня! – вздыхала матушка Ним, – Если я предоставлю им желаемое, они заморозят моих лучших девушек, а если я откажу им, они разнесут заведение вдребезги. Ой, они разорят меня!

Все девки собрались в большой зале внизу, смотрели на воющую матушку Ним, и рыдали в голос. Никому из них не хотелось провести ночь с купцами из Гипербореи, чтобы на утро оказаться ледяной куклой в собственной постели. И только нубийка Шеба, девушка со стройными бедрами и роскошной грудью, была спокойна. Она подошла к хозяйке заведения и сказала:

– Матушка Ним, не убивайтесь так. Я знаю, как нам спастись от этой напасти.

И она посоветовала пойти на кухню и собрать кошек, которые во множестве кормились там, охотясь на мышей и крыс.

– Пусть каждая из нас возьмет себе по кошке, и каждую ночь, отходя ко сну, поит ее теплым молоком и кладет спать с собой. Минет несколько дней, кошки почувствуют себя хозяйками в наших постелях, и вы увидите, что будет.

И вот через неделю купцы, привезшие с собой холод из Гипербореи, оказались-таки в заведении матушки Ним. Они потребовали себе лучших девок, поили их настоящим вином, а потом повели наверх, в комнаты. И каждая из девушек попросила разрешения взять с собой в постель свою кошку. И купцы согласились, потому что были, по сути, не злыми

людьми. А кошки уже привыкли к теплым и мягким постелям, и даже холодные тела купцов не смутили их. Всю ночь кошки мурчали и потягивались, и переворачивались с боку на бок и не оставляли облюбованные места.

Наутро купцы проснулись и увидели, что девицы, лежавшие рядом с ними, живы, и почувствовали, что по жилам снова течет теплая кровь.

Ибо кошки страны Офир таят в себе неиссякаемый источник огня, и мудрая матушка Ним повелела, чтобы отныне ни одна кошка, пришедшая к ней в дом, не ушла голодной.

День и ночь, закат и восход

Как-то в заведение матушки Ним пришел старший мастер братства кожевенников, большинство из которых, как известно, являются выходцами из Месопотамии. Источая отвратный запах, присущий его ремеслу, мастер рассказал, что его сородичи намерены провести древний обряд, восславив великую богиню Иштар. Для обряда была потребна девка известной профессии, такая, что ни разу не рожала, и чтобы кожа ее была прохладна, а волосы обильны. На целый месяц намеревались кожевенники забрать ее в свою слободу, и там бы к ней каждый день всходили все мужчины из братства: днем – блондины, и ночью – брюнеты, а на закате и восходе – те, чьи волосы носят огненно-рыжий оттенок.

– Мы – дорогое заведение, – отвечала ему матушка Ним. –

За ночь с худшей из моих девушек я прошу три серебряных монеты, а такая, о какой просишь ты, будет стоить не меньше пяти золотых.

– Что ж, – отвечал ей мастер, – ты дашь мне требуемое, и я заплачу тебе двести раз по пять золотых монет.

При мысли о таком барыше матушка Ним едва не вскочила и не побежала тотчас за девкой, чтобы передать ее кожевенникам. Потому что уже знала она, кто подходит для такой цели. Жила в ее заведении моавитянка, обладавшая одним изъяном, который, впрочем, ничуть не мешал ей в жизни – она не чувствовала никаких запахов, даже самых острых. Это была молодая нерожавшая женщина, волосы которой водопадом спадали на спину, а кожа была нежна и прохладна, словно лепестки роз под утренней росой. Ей и велела матушка Ним собрать все, что будет ей потребно в течение месяца и идти вслед за старшим мастером братства кожевенников, который уже успел отсчитать задаток – триста полновесных золотых монет.

Итак, моавитянка жила месяц в кожевенной слободе, и принимала без усталы мужчин – молодых и старых, красивых и уродливых, умных и глупых, а потом благополучно возвратилась в заведение матушки Ним.

По истечении же двух месяцев стало ясно, что она понесла, и девка продолжала жить в нашем доме, уже не работая. Чрево ее раздулось до невиданных размеров, то и дело ребенок стучался в нее изнутри, извещая мир о своем желании

поскорее выбраться наружу, и мудрая матушка Ним говорила:

– Истинно, девки, не один младенец таится в ее утробе, а, по крайней мере, трое.

И вышло почти по ее слову – после двадцати часов трудных родов моавитянка произвела на свет четырех мальчиков. Все они появились на свет с волосатыми макушками. Волосы одного из них были черны, как смоль, второго – белые, как лебединый пух, а головы третьего и четвертого венчали медные кудри.

Матушка Ним немедленно известила старшего мастера братства кожевенников о произошедшем событии. Он тут же явился к нам в дом, сопровождаемый жрецом Иштар и старейшинами общины. Они вошли к лежавшей в постели моавитянке, поклонились ей и младенцам, и покрыли все ее ложе полновесными золотыми монетами.

С тех пор моавитянка стала честной женщиной, купила себе масличную рощу и виноградник, в котором весело играют четверо ее разномастных детей.

Удар кинжала

Третья история о заведении матушки Ним, которую я хочу рассказать вам, случилась со мной. Как-то раз к нам в дом пришла целая толпа грязных и оборванных матросов. Но хозяйка не прогнала их – она знала, что это была команда фи-

никийских пиратов, пропивавшая в Городе огромный куш, который сорвали они, ограбив караван греческих торговых судов.

Эти финикийцы были весьма осведомлены об обычаях, принятых в публичных домах Города. Например, знали они, что девкам на пирушках у нас подают не вино, а окру – красный напиток из цветов гибискуса, чтобы девки не теряли голову и не обслужили случайно клиента бесплатно. Пираты учинили небольшой скандал и добились-таки, чтобы раб вынес кувшины с вином в большой зал, в котором пировали гости; один из финикийцев занял место виночерпия и щедро разливал напиток, как мужчинам, так и женщинам. Среди этих женщин была и я.

Я в тот день была одета в тонкое платье из багряного шелка, на который так падки держащие власть в своих руках. Может поэтому, а может, почему-то еще предводитель пиратов стал уделять мне особое внимание. Он собственноручно подносил мне чаши с вином, кормил меня из рук фруктами в меду и беспрестанно целовал. От его поцелуев, а еще больше от вина, я разгорячилась и принялась танцевать, а финикийцы отбивали ритм ладонями и ступнями.

Наконец главарь подошел ко мне и остановил мой танец, грубо схватив меня за руку.

– Посмотрим, – вскричал он, бешено вращая глазами, – так ли ты хороша, девка, как кажешься!

Я думала, что он потащит меня наверх, в уединенные ком-

наты, но вместо этого капитан выхватил длинный кинжал, и не успела я глазом моргнуть, как вонзил его мне прямо в сердце. Я почувствовала боль и холод металла и приготовилась уже умереть. Тут все финикийцы встали вокруг меня и сказали хором:

– Посмотрим, так ли ты хороша, девка, как кажешься!

И главарь вырвал кинжал из моего сердца. Сначала ничего не произошло, а потом из груди моей забила фонтаном красная струя. Финикийцы подставляли свои бокалы, и наполняли их, и пили, и хвалили меня, а я все не умираю. Под конец струя стала едва течь, и главарь налил только полкубка, как жидкость иссякла. Он дал мне пригубить, и я попробовала, и поняла, что это лучшее сладкое вино из тех, что я пила в своей жизни.

– Нет ничего слаще, – говорили мне наперебой финикийцы, – чем вино, которое образуется в теле пьяной гулящей женщины, когда она разгорячится, как следует.

Но, хотя вино и вправду было очень вкусно, я бы не хотела еще раз стать его сосудом.

Преимущества и недостатки

Правитель города возлежал на подушках, вышитых золотом и пурпуром, и лениво смотрел на стоявшую перед ним женщину. Правитель города был молод – этой весной ему исполнилось двадцать два года. Он был одновременно стра-

стен и пресыщен жизнью, от чего яростно брался за разнообразные дела, которые потом завершал медленно и неторопливо. Вот и сейчас шел шестой час судебного присутствия и это, последнее на сегодня, дело казалось ему не стоящим выеденного яйца. Честные женщины Города принесли жалобу на свободную куртизанку, носившую прозвище Галатея, незаконнорожденную дочь греческого купца. Галатея эта была весьма известна в Городе за свое потрясающей красоты сложение, острый ум и необыкновенное танцевальное искусство. Честные женщины обвиняли ее в том, что их мужья проводят все вечера и ночи на ее дворе, выбрасывают ежевечернее там на ветер целые состояния, покупают богатые подарки не им, честным женам, а этой шлюхе и вообще забыли свои отцовские и супружеские обязанности в разгульных пирах и оргиях.

Галатея и вправду оказалась сметливой женщиной и довольно ловко защищалась.

– Виновата ли я, – говорила она, – что в молодости мать не сыскала мне жениха, как то подобало бы доброй родительнице, а вместо того продала мою невинность одному знатному вельможе, имени которого я не назову здесь, уважая его скромность?

Виновата ли я, что с тех пор не было у меня другого пути, как стать куртизанкой?

Виновата ли я, что оказалась искусной в любовной науке, и в приятном разговоре, и в изящном танце?

Виновата ли я, что развила свой ум во встречах с иноземными купцами, поэтами и художниками?

Виновата ли я, что мое общество приятнее для мужчин Города, чем общество их, без сомнения, честных жен?

Правитель Города задумался. Он, действительно, не мог обвинить женщину в том, что она привлекательна. С другой стороны, он не мог отвергнуть справедливую жалобу и восстановить против себя всех честных женщин.

– Послушай меня, Галатея. Я не могу лишиться тебя красоты, приятности и ума. Но и ждать, пока пройдет время, и твои преимущества рассеются сами собой, я тоже не могу. Поэтому предлагаю тебе согласиться с тем, чтобы у тебя появился один маленький недостаток.

– Я согласна, – отвечала Галатея, которой совсем не хотелось спорить с властями.

И правитель призвал опытного палача и повелел ему оделить женщине одну фалангу от мизинца на левой ноге. С тех пор куртизанка стала немного прихрамывать и уже не могла так легко танцевать свои призывные танцы. Впрочем, она заказала на изуродованный палец себе золотой наконечник, весь покрытый изящной резьбой, и стала называться Галатеей золотой мизинец.

Вот с тех-то пор все девки Города стали находить и лелеять в себе какой-нибудь недостаток. У одной это был горбатый нос, у другой – оттопыренные уши, у третьей – грубая форма рук, у четвертой – короткая шея. Те же из них, кому

не посчастливилось иметь изъяны, делали татуировку на щеке в виде цветущего пиона или мака. Так веселый квартал Города получил название квартала Цветов.

Жена дракона

Конечно же, едва она начала рассказывать свою историю, мы поняли, что она лжет. Во-первых, она была ассирийка, а ассирийки рождаются с ложью на устах. Во-вторых, она все время улыбалась, словно радовалась, что ей удалось так ловко запутать нас. И в-третьих, этого просто не могло быть. Просто не могло быть, и все.

Хотя в чем-то она не покривила душой. Например, в том, что до прошлого апреля она жила в доме чернобородого Асура. Она совершенно правильно описала их главную залу, убранную полотнищами неотбеленного шелка и заставленную вазами с тяжело пахнущими цветами. Она знала кривого привратника и длинную Лею, которая заправляла там девками в отсутствие хозяина, который вечно пропадал по кабакам и лишь иногда, под утро, заявлялся всегда пьяный, но всегда в твердой памяти, чтобы забрать выручку и продегустировать какую-нибудь новую эфиопку.

Не лгала она и в том, что была беременна – об этом громко свидетельствовал ее круглый, нагло выпятившийся живот.

Но всему остальному, о чем говорила ассирийка, поверить было совершенно невозможно.

А говорила она следующее – в прошлом апреле на пороге чернобородого Ассира появились странные люди. Они принесли с собой шкатулку, полную яхонтов, и большое, искусно отполированное бронзовое зеркало. Они сказали, что их хозяин решил взять себе наложницу из квартала Цветов, и чтобы выбрать ее, они проверяют девок особым образом. Каждая должна заглянуть в зеркало и подойдет лишь та, которая отразится в нем верно. Чернобородый Ассур засмеялся – это было очень хорошее зеркало, и он сам отражался в нем точь-в-точь, как живой, вместе со своей роскошной бородой.

Однако, когда девки, одна за другой, стали подходить к зеркалу, каждый мог видеть, что вместо женщины там отражалось черти что. То гигантская, покрытая бородавками жаба, то облако синего дыма, то пустое платье. И только ассирийка отразилась в нем полностью, как была, со всеми своими статьями.

Странные люди очень обрадовались, передали шкатулку с яхонтами чернобородому Ассиру, и увели девушку с собой. На границе города они дали ей глотнуть из фляги какого-то пряного вина, и она от того потеряла память и совсем не может сказать, куда ее увезли.

Очнулась ассирийка в богатом дворце, залы которого были так велики, что можно было устать, пока идешь от одной его стены к противоположной. В тот же день ее познакомили с новым хозяином. К ее ужасу, это был огромный, пере-

ливчато-зеленый дракон с зубастой пастью и когтистыми лапами. Дракон разговаривал с ней посредством образов, которые посылал беззвучно. Он сказал, что ему пришла пора занять потомство и для того ему потребна особая женщина. Ассирийка очень испугалась и стала умолять отпустить ее, потому что она точно не выдержит соития с таким гигантом, на что змей рассмеялся и сказал, что драконы сходятся с женщинами особым тайным способом, о котором нельзя рассказывать посторонним. Как мы ни упрашивали, она не открыла нам тайны.

И вот, через некоторое время, рассказывала ассирийка, выяснилось, что она беременна. Дракон держал ее при себе еще некоторое время, а потом отослал, так же опоив пряным вином, назад. Он сказал, что дитя дракона может вырасти по-настоящему свирепым и крепким, только если созреет среди людей, впитывая в себя их жадность и жестокость. И вот теперь женщина пришла к матушке Ним, так как ей известна мудрость хозяйки заведения и просит приютить ее до родов. А уж когда она родит опаловое яйцо, из которого, помещенного в огонь, на третий день вылупится юный змей, ее муж возблагодарит матушку Ним, прислав ей не одну, а две шкапулки, полных яхонтов.

Наша хозяйка покачала головой, поцокала языком, и разрешила девке остаться.

И что бы вы думали? В положенный срок ассирийка разродилась и принесла здорового крепкого младенца. Девочку,

которая, несомненно, как и все ассирийки, родилась с ложью на устах.

Запретная еда

Страна Офир известна не только своими купцами и мореплавателями. Страна Офир известна своими поварами. Даже в захудалой обжорке в самом грязном и дальнем углу порта вам подадут такую рыбную похлебку, что вы не забудете ее во всю жизнь. Известным только избранным мастерам способом рыба будет выварена в похлебке настолько, что кости станут мягкими и рассыпчатыми, точно лепешка, и в то же время суп не потеряет остроты и яркости вкуса. И не только в Городе можно найти такие лакомства. Один из египетских купцов, давясь слюной от сладостных воспоминаний, рассказывал мне про рагу из сурка, тушеного в меду с тимьяном, которое он отведал в каком-то бродячем стойбище пастухов далеко на востоке страны.

Да, в стране Офир любят вкусно поесть и знают толк в еде. Кажется, нет такого яства, которого не отыскали бы и не испробовали жители Города. Но оно есть.

Случилось это давным-давно. А может, и не так давным-давно? Во всяком случае, матушка Ним уверяет, что была тогда семилетней девчонкой и прекрасно помнит все события, о которых толковал весь Город.

Как-то раз в одно из самых больших заведений квартала

Цветов постучались смуглые люди. Их платье было просто – хлопковые вышитые рубахи и штаны, но руки и ноги были унижены тяжелыми золотыми браслетами, а у некоторых в нос или ухо с удивительным мастерством были вделаны неоправленные бриллианты. То были индусы. Гости гуляли в заведении несколько дней, были ласковы и приветливы и, казалось, больше старались угодить девкам, чем девки старались угодить им. Наконец, на пятый день, они сказали, что знают одну тайну и хотят открыть ее хозяину заведения, чтобы оно еще больше прославилось в Городе. Они велели принести чан охлажденного цельного молока, перелили молоко в кожаный мешок, взяли в руки длинные палки, которыми снабжены у нас охранники, и принялись бить по бурдюку с молоком. Били они час, били два, может, и три часа били – много времени прошло. И вот один из них развязал мешок, запустил в него свою смуглую руку, не снимая браслетов, и вытащил маслянисто блестящий шар цвета слоновой кости.

Гости стали отрезать длинными ножами кусочки от шара и класть их в рот девкам. Сначала девки испугались, но потом распробовали, что из молока получилось дивное лакомство, которое было в меру сладко, и нежно, и таяло во рту, стекая по горлу приятными волнами. И так девки с гостями съели весь масляный шар.

Но едва лишь исчез последний кусочек, как до их слуха донеслись горестные вопли с улицы. Все высыпали наружу и увидели, что солнце – а недавно миновал полдень – покры-

лось черной мглой, и только красноватое кольцо еще видно на небе. Люди посыпали себе голову пеплом, рыдали и кричали, а жрецы возглашали, что боги разгневались на нас за наше нечестие и скоро огненный дождь падет и испепелит Город.

– Это мы виноваты! – прошептала вдруг одна из обитательниц заведения. – Мы съели образ солнца, и светило обиделось и скрылось от нас.

Тихо она это сказала, но нашлись уши, которые услышали, и уста, которые повторили. И неизвестно, чем бы вся эта история закончилась для индусов, если бы через некоторое время край солнца не появился на небе, все расширяясь, и постепенно светило не вернулось на свое прежнее место.

Но с тех пор в городе ни один человек не рискнул еще раз попробовать взбить молоко и съесть заморский деликатес.

Поэт

В Городе ценят поэтов. Но как-то так повелось, что с поэтами в Городе все время что-то случается. То стихоплета прирежет в пылу ссоры из-за неудачной эпиграммы какой-нибудь рогоносец. То, возвращаясь с пирушки, песнопевец поскользнется и сломает себе обе ноги. То правителю не понравится героическая ода, в которой автор не воздал должного его храбрости и уму, и он повелит бить поэта плетьюми и гнать из пределов Города. Причем несчастья ва-

лятся не только на бедных рифмоплетов, которые добывают свой нелегкий хлеб сложением панегириков и непристойных песенок, но и на вполне себе преуспевающих людей.

Возьмем хоть Антиоха. Антиох был сыном богатого купца от греческой наложницы. И как-то так получилось, что все другие сыновья умерли во младенчестве и единственным наследником остался этот незаконный, но признанный сын. Купец потратил немало денег на обучение и воспитание Антиоха, но, видно, недостаточно уделял внимания военной науке и атлетике, ибо юноша вырос изнеженным и хрупким, как нарцисс.

Кроме того, Антиох не проявлял никакого интереса к купеческим делам и проводил все свои дни в бездельи, а по вечерам устраивал кутежи с друзьями, на которых громко возглашал сочиненные экспромтом любовные стихи. И вскоре так прославился за это свое уменье, что каждая свободная куртизанка Города считала за честь принять его у себя с тем, чтобы гости насладились игривой поэзией. Специально обученные скорописи рабы записывали за Антиохом, и списки его творений разошлись далеко за пределы страны Офир.

Годы шли, а Антиох на вид оставался все тем же худым (ибо он пил куда больше, чем ел) и хрупким юношей, тратящим все время на пиры и кутежи.

Отец его, будучи рассудительным человеком, прибегнул к последней мере и женил сына. Выбрал ему достойную невесту из состоятельной семьи и стал ждать, когда сын остепе-

ниться. Но ничего из этого не вышло. По вине ли Антиоха, по собственному ли изъяду, жена все никак не могла понести, и только копила в себе могучие женские силы, что не могло кончиться хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.